

Андрей Звонков

Потерянный рай



Часть сборника
*Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве*



Андрей Звонков
Потерянный рай

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звонков А. Л.

Потерянный рай / А. Л. Звонков — «Эксмо», 2016

«Год 1966-й. Окраина Москвы. Шестилетний пацан в сатиновой клетчатой рубашке и шортах сидит на заборе и смотрит на противоположную сторону улицы. Туда, где парк. Это действительно парк, хотя для меня он был лесом. «Лианозовский парк культуры и отдыха». Он и сейчас есть. Он изрядно поредел, оброс аттракционами, в нем проложили асфальтовые дорожки, поставили множество киосков и палаток... и теперь его видно насквозь. А тогда это было культовое место, где мы играли в войну, в лапту, в футбол, которое исколесил я на «Орленке» вдоль и поперек. Парк, в котором мы собирали землянику и белые грибы на склонах большого оврага, по дну которого тек ручей шириной в метр. И было-то в этом парке: цепочная карусель, футбольное поле, на котором проходили матчи заводских команд, танцверанда, бильярдная и пивная. Единственная асфальтированная дорога вела от ворот на Смоленской к воротам на Череповецкой через весь парк в сторону «Немецкой дачи», которую еще называли «Белым домом» – типичного европейского домика с остроконечной двускатной крышей и круглым чердачным окном...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звонков А. Л., 2016
© Эксмо, 2016

Андрей Звонков

Потерянный рай

Вступление

Год 1966-й. Окраина Москвы. Шестилетний пацан в сатиновой клетчатой рубашке и шортах сидит на заборе и смотрит на противоположную сторону улицы. Туда, где парк. Это действительно парк, хотя для меня он был лесом. «Лианозовский парк культуры и отдыха». Он и сейчас есть. Он изрядно поредел, оброс аттракционами, в нем проложили асфальтовые дорожки, поставили множество киосков и палаток... и теперь его видно насквозь. А тогда это было культовое место, где мы играли в войну, в лапту, в футбол, которое исколесил я на «Орленке» вдоль и поперек. Парк, в котором мы собирали землянику и белые грибы на склонах большого оврага, по дну которого тек ручей шириной в метр. И было-то в этом парке: цепочная карусель, футбольное поле, на котором проходили матчи заводских команд, танцверанда, бильярдная и пивная. Единственная асфальтированная дорога вела от ворот на Смоленской к воротам на Череповецкой через весь парк в сторону «Немецкой дачи», которую еще называли «Белым домом» – типичного европейского домика с остроконечной двускатной крышей и круглым чердачным окном.

Вдоль главной аллеи парка стояли щиты с карикатурами Кукрыниксов про Гитлера, толстых американских буржуев и черных угнетенных негров с горящими глазами.

Наш дом № 36 по Смоленской улице стоит напротив парка, нужно только перебраться через широкую дренажную канаву с вечной водой, в которой шныряют жирные черные головастики и тощие пиявки.

Сразу за канавой – парковый забор. За забором – поляна. На поляне стоит весьма странная конструкция высотой метров 5 в форме буквы П из бревен, на вершину которой ведет деревянная лесенка, а в середине от перекладины спускаются три железные трубы. Это остатки военной части, которая стояла в парке во время войны и после...

Парк – это памятник войне. Только мы – мальчишки 36-го дома по Смоленской – этого не понимаем. Мы играем в полузасыпанных окопах, в воронках от бомб в войну.

Воронки очень много. Они уже заросли травой. Да и окопы-траншеи превратились в извилистые канавки.

Взрослые не любят рассказывать о войне. Да и зачем? Она и без того постоянно напоминает о себе. Рубцами на теле соседа-ветерана старого Прокопича, который целыми днями что-то строгают в сарае, щуря глаз от едучего махорочного дыма из «козьей ножки». Прокопич воевал. У него нет трех пальцев на левой руке, и на животе, в стороне от пупка – синюшный рубец осколочной раны. Я живу через стенку от Прокопича и его жены тети Тани. Мама, уходя на дежурство в больницу, оставляла меня под их присмотр. Тетя Таня кормила меня щами и гречневой кашей, Прокопич нарезал желтое сало с крупной солью и лук колечками. «Ешь, Ондруха! От гречки рост прибавляется, а в луке дух здоровый, с его мухидохнут!» Сало я ем, а вот лук терпеть не могу – от него жжение в носу и плакать хочется. Тетя Таня срезает черную горбушку, натирает ее чесноком и солит: «На-ко, вот это ешь. Сильный будешь, как мой Юрка».

Юрка – футболист. Он еще работает на каком-то заводе, но мы его знаем как футболиста. Он живет в Москве «по лимиту» и приезжает по воскресеньям гонять в футбол на нашем поле.

Перед каждой игрой на ворота натягивают сетку и известкой размечают траву. Трибун и сидячих мест нет. Все стоит кругом. По полю бегают полосатые судьи и свистят.

По воскресеньям в парк приезжает уйма народу – отдыхающие. А еще приезжает лысый маленький дядька в полосатой майке – массовик-затейник, который собирает вокруг себя людей. Массовик всех заставляет петь хором, играть в разные игры, вроде того, кто последним среагирует на взмах руки и присядет... кто не успеет – тому штраф: три круга проскакать на одной ножке. За это полосатый дядька дает приз – теннисный мячик. У меня этих мячиков уже сто штук. Ну, может, и не сто – много. Я специально нарушал для штрафа. Потому что для меня три круга на одной ножке – это раз плюнуть.

А еще мое любимое место – пивная. Там дают пиво и к пиву – соленые сушки. Пиво я не люблю – оно горькое. А сушки с солью обожаю. Дядьки-пьяницы их не едят. Сушки дают на картонных тарелочках к каждой кружке. Дядьки дуют на пену, cedят холодное пиво, а сушки так и остаются на столах. Мы все ходим их там брать. Только уборщица пивной нас гоняет мокрой тряпкой. Она тоже любит соленые сушки. А может, и не любит – она вредная.

Но она гоняет, если просто прийти и стибрить сушки со столов, а если подойти к дядьке-пьянице и, подергав его за штанину, попросить: «Дядь, дай сушку!», добрый дядька обязательно отдаст всю тарелку, а тетка ничего не скажет.

Весь этот мир меня, шестилетнего, – это парк, это дом, это наша улица и люди, живущие на ней. Это поселок Лианозово – ставший теперь районом Москвы. Это мир интересной жизни, своих проблем. Когда не думаешь о завтрашнем дне. Когда рядом папа и мама. Я не оглядываюсь назад. Это бессмысленно. Там нет ничего, события смешались, сохранив только ощущения беспредельной радости познания окружающего пространства и жизни – это потерянный рай моего детства.

Бомба

Я сижу на заборе. Раннее утро. Я съел молочную лапшу, что оставила мама, уходя на работу. Она сегодня не дежурит ночью. Приедет к вечеру уставшая и чего-нибудь обязательно привезет. Чего-нибудь – это еда. Она всегда привозит еду. Это или вареная колбаса – «Докторская», или усатая башка с длинным носом рыбы – осетра. Мама варит в большой кастрюле эту голову, и потом я обсасываю косточки и хрящики. Это очень вкусно.

Папа – в командировке. Я не знаю, что он делает, он очень далеко – на Камчатке. И пишет письма. Иногда у нас появляются разные дядьки с папиной работы, они привозят всякие штучки: вяленую рыбу, сушеную морскую звезду и еще чего-то... Папа должен наладить какую-то станцию и тогда прилетит. Я знаю, что станция – это где останавливаются электрички. Я папу так и спросил: он что – на Камчатке электрички останавливает? Папа долго смеялся. Он сказал только, что станция называется РЛС – потому что стоит на месте и охраняет границу. Я знаю, что границу охраняют пограничники. У Сереги есть оловянный солдатик «Пограничник Карацупа и его пес Ингус» – красноармеец с автоматом, и впереди бежит большая собака с острыми ушами и красным языком. Серега еще спит. И Колька спит. Они ходят в школу и летом спят долго. А мне не нужно в школу ходить, поэтому я встаю рано. С мамой.

В парке что-то происходит. Там слышны голоса, что-то металлически брякает. Мне не видно из-за большого общественного туалета. Его зеленая дощатая стена прижата к парковой ограде. Мама говорит, что из-за него в нашем колодце вода тухлая. Я не понимаю. Колодец тут, а туалет – вон где, в парке. Еще мама говорит, что во время войны в парке упала большая бомба, она не взорвалась, только выкопала огромную яму. Я думал, что эта бомба с руками и лопатой. Как она может выкопать? Мама сказала, что когда она была такая, как я, приезжали военные, искали эту бомбу. Яму выкопали еще глубже – не нашли. Яма эта никак не зарастала. Тогда со всей улицы в нее стали носить всякий хлам. За лето навалят, зимой снегом засыплет, а весной раз – опять яма пустая. Прокопич сказал: плывун. Я думаю, этот

пловун сидит в яме. Еще Прокопич сказал, что он затягивает все, что в яму попадет. И бомбу засосал. Я представлял пловуна существом вроде сома с огромным ртом, в который он все засасывает. Я так и сказал, что бомба же может взорваться в брюхе пловуна. Прокопич потер глаза и ничего не сказал на мое предположение.

Из калитки вышел дядя Ваня, он живет на другой стороне нашего дома с тетей Нюрой. У дяди Вани все пальцы и нет шрамов. Но он тоже не любит рассказывать о войне. А еще он не пьет водку. Совсем, даже по праздникам, как Прокопич и Колькин отец – Володька. Володькой его называет дядя Ваня. Володька спился. Он не похож на пьяниц из пивной. У Володьки тусклые глаза, фиолетовое лицо и полосатый нос, похожий на географическую карту в комнате Сереги. Только реки на этом носу не синие, а красные.

Нет, в парке определенно что-то происходит! Мне нужно слезть с забора и перебраться через канаву. Вчера был дождь, там полно воды. Обычно папа меня переносит через канаву, или Сережка – перепрыгнет и протянет руку, чтоб я не шмякнулся в самую жижу.

Значит, мне нужно слезть с забора и бежать к воротам, там войти в парк и добежать до туалета... который директор парка Константиныч поставил прямо над той самой ямой.

Константиныч тоже бывший военный. А еще он бывший председатель поссовета и расписал моих папу и маму. Я не знаю, что это значит. Никаких росписей я не видел ни у папы, ни у мамы. Я думаю, расписать – это красками. Или чернилами, как у Юрки-футболиста на плече наколка. Ни у папы, ни у мамы наколок нет.

Мелкая щебенка с улицы все время лезет в сандалии. Пока я добежал до ворот, раз десять снимал и вытряхивал камушки.

В парке дядьки носили от грузовика длинные железяки. Они носили их на площадку. Я стоял и смотрел. Я знаю, что спрашивать дядек, когда они работают, нельзя – будут злиться. Пивная еще закрыта. Цепочная карусель – тоже. Можно походить по парку и пособирать мелочь, чтобы потом купить билет на карусель. Желтые медяшки и серебристые гривенники. Однажды я нашел целый клад – россыпь монеток по 20 коп. Я собрал целую горсть и побежал покупать билеты на карусель, а кассирша выгнала меня и сказала, что это не деньги... Как я ревел! Ну как же не деньги, если на них все есть: и СССР, и 20 КОП. И цвет тот, что нужно, и размер. Потом мне Колька объяснил, что была какая-то реформа, и эти деньги старые, на них ничего не купишь. У всех дома есть такие монетки, и они уже никому не нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.